

ПОЛИТОЛОГИЯ

А. В. ШЕРИС

COVID-19: ГЛОБАЛЬНЫЙ БИОПОЛИТИЧЕСКИЙ ВЫЗОВ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Статья посвящена выявлению особенностей биополитического вызова национальной безопасности в связи с распространением эпидемии COVID-19. События в регионах мира демонстрируют особенности дестабилизации общественных процессов в условиях эпидемии. Автор полагает, что данная ситуация смещает парадигму обеспечения национальной безопасности к использованию технологий биополитического управления, что ставит новые проблемы. Особенности современного биополитического вызова являются формирование глобального биополитического пространства, требование перехода к неделимой безопасности и кооперации усилий мировых субъектов в процессе принятия политических решений, повышение роли научных экспертных сообществ, а также форм общественной самоорганизации.

Ключевые слова: эпидемия; национальная безопасность; биополитический вызов; биополитическое управление; глобальный вызов; неделимая безопасность.

УДК 327.01 + 616.98:578.834.1

В современном глобальном мире вызовы и угрозы национальной безопасности приобретают новые черты, которые связаны с их принципиальной неопределенностью. Речь идет не только о невозможности предсказать возникновение и последствия надвигающихся рисков: мы имеем дело с явлениями особой природы. В свое время Жан Бодрийяр применительно к терроризму обозначил эту природу как вирусную, порождающую «войну», которая ведется «повсюду» [1, с. 100–101]. Действия в ситуации неопределенности становятся основным типом действий, которые приходится предпринимать для минимизации рисков. «Вирусная» метафора означает, что «врага», или носителя угрозы сегодня становится «не видно»: мы вынуждены действовать в ситуации принципиальной невозможности просчитать появление угроз, отследить траектории их носителей и контролировать их распространение. Заражение, катализ и иные виды недетерминированности заменили привычные причинные связи детерминистского типа. К угрозам так называемой вирусной природы можно отнести не только терроризм и вызовы в информационном пространстве, наподобие распространяемых фейковых новостей. По иронии

Александр Владимирович ШЕРИС (sheris@tspbel.com), кандидат политических наук, зам. директора Научно-производственного общества с ограниченной ответственностью «ОКБ ТСП» (г. Минск, Беларусь).

истории метафора вируса материализовалась в своей аутентичной биомедицинской форме — эпидемии коронавируса. Многие развитые регионы мира, прежде всего европейские и североамериканские, оказались с начала 2020 г. захвачены длящейся волной заболеваний и смертей. Ситуация была немедленно квалифицирована как пандемия в силу своей глобальности и отсутствия принципиально безопасных мест. По данным Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) на 29. 06. 2020 г. в мире число зарегистрированных заболеваний коронавирусом составило 10 млн 021 тыс. человек, умерших — около 500 тыс. человек, а по состоянию на 10. 08. 2020 г. уже более 19,9 млн заболевших и 738 тыс. 210 человек — умерших [2]. В регионах с резким ростом заболеваемости были фактически введены режимы чрезвычайного положения, подразумевающие использование жестких санитарно-гигиенических и административных мер на уровне государственного управления ситуацией. Разумеется, эти меры привели к ряду общественных и политических следствий. Социальная ситуация и борьба с эпидемией выявили такие особенности функционирования современных общественно-политических систем, которые обнаружили принципиальные недостатки в их устройстве. Поскольку проблемы обеспечения здоровья и дееспособности населения — проблемы национальной безопасности, возникает вопрос: насколько современный цивилизованный мир и его отдельные регионы, обладающие мощными системами обеспечения государственной безопасности, способны противостоять угрозам наподобие эпидемии Covid-19? Подобные вопросы позволяют также критически отнестись к самим существующим системам безопасности. Сегодня рождается мнение, что после коронавирусной эпидемии системы национальной безопасности будут другими, т. е. может измениться парадигма безопасности. Целью предлагаемого ниже анализа является выявление возможных принципиальных изменений в системе национальной безопасности с учетом возникшего биополитического вызова. При этом мы будем опираться на трактовку биополитики (или биополитического управления), предложенную М. Фуко и Дж. Агамбенем, социологические аппликации западных исследований эпидемий, проведенные В. Вахштайном, а также известный категориальный аппарат парадигмы национальной безопасности.

Среди событий, происходящих в западном мире во время эпидемии, обращая на себя внимание факты, за которыми стоят системные «бреши» в национальной безопасности. На поверхности находится факт проблематизации функционирования здравоохранения во многих обществах, в частности в США. Саманта Пауэр, представлявшая США в ООН в 2013—2017 гг., полагает, что «общий враг будущей пандемии должен привести к пересмотру национальной безопасности и вызвать давно ожидаемый рост федеральных инвестиций в обеспечение внутренней и глобальной безопасности здравоохранения» [3]. Она указывает на то, что на борьбу с терроризмом в последнее десятилетие США тратят в среднем 180 млрд дол. в год, в то время как на программы по предупреждению пандемий и инфекционных заболеваний — только 2 млрд [3]. На этом фоне администрация президента Д. Трампа распустила подразделение Белого дома, занимающееся профилактикой пандемий. Конечно, с одной стороны, устранение данного перекоса в бюджете, а именно, увеличение инвестиций в здравоохранение и биомедицинские исследования, было бы несложным решением проблемы. Однако дело не в распределении бюджета. За указанным различием между существующими в обществе мнениями и решениями власти кроются противоречия, на которые здесь стоит обратить внимание. Эти противоречия отражают системную общественно-политическую дестабилизацию, вызванную эпидемией и практикой борьбы с ней, что относится не только к США.

Общество в условиях эпидемии. Представляется, что в условиях неопределенности глобальных потоков (прежде всего, «вирусной» природы) проблемы с национальной безопасностью в локальных обществах могут быть рассмотрены с учетом четырех основных аспектов, репрезентирующих общественное состояние в условиях эпидемии: информационном, институциональном, социальном и идеологическом.

1. В информационном поле во время эпидемии коронавируса сложилось такое представление о существующем положении дел, которое вовлекло реципиентов в состояние одновременного тяготения к двум полюсам: субъекты, получающие информацию, были погружены в парадоксальное состояние *между паникой и мобилизацией* [4]. С одной стороны, люди оказались фрустрированы распространением болезни и отсутствием достаточной информации о ней, понимая при этом всю опасность происходящего. С другой стороны, призывы к активному противодействию распространению эпидемии формировали соответствующую гражданскую мотивацию при фоновом понимании полной непредсказуемости последствий. Этот информационный образ ситуации, являясь ее неотъемлемой частью, значительно затруднял принятие рациональных решений. Заградительные меры, введенные посредством решений государственных институтов, отчасти сняли это противоречие, породив новое: общество оказалось между «спячкой» и мобилизацией. В таких условиях особый вред способна нанести недостоверная информация, например, искаженная статистика заболеваемости, являющаяся действительной угрозой.

2. Противодействие эпидемии, развернувшееся первоначально в сфере здравоохранения, сразу же выявило *неготовность соответствующих санитарно-гигиенических и медицинских институтов* к требующейся от них интенсификации деятельности по профилактике и лечению заболеваний, вызванных новым вирусом. Выяснилось, что не хватает самых основных ресурсов: диагностических тестов, средств индивидуальной защиты, впоследствии — мест в больницах, моргах, медицинского персонала и т. п., не говоря уже о стратегических проблемах с лекарственными препаратами и вакцинацией, которые еще предстоит решить. Обеспечение специализированных институтов необходимыми ресурсами потребовало времени для «подстройки» иных общественных институтов (прежде всего, экономических и политических институтов), их перевода в режим помощи борьбы с эпидемией. Такой разворот свидетельствовал о неготовности к подобной ситуации не только специализированных медицинских учреждений, но и общественных институтов в целом. Попросту говоря, не медики, а *общество институционально оказалось не готово к эпидемии*, что подтвердилось вхождением экономик многих стран в режим «аварийного торможения».

3. Между тем в гражданское общество поступил социальный и государственный запрос на активное противодействие эпидемии самих граждан. Введенная политическая и отчасти экономическая изоляция (закрытие государственных границ и пр.) не могла решить проблему распространения вируса без соответствующей самоорганизации граждан. Самоизоляция, использование средств индивидуальной защиты, волонтерская помощь, перепрофилирование производств, в конечном счете, изменение образа жизни стали необходимыми требованиями, реализацию которых стало невозможно контролировать без участия самих граждан. Эти, казалось бы, вполне уместные меры также обнажают противоречивые общественные тенденции: социальные группы оказываются *подвержены как солидаризации, так и поляризации*. Общая угроза способна сплотить людей точно так же, как и разобщить их на почве индиви-

дуальной или коллективной самоизоляции и даже сегрегации. Исследования Питера Бэра и Джереми Шапиро в этой области формируют двойственное впечатление: во время эпидемии (пандемии) способны создаваться так называемые сплоченные «сообщества судьбы», так же, как и чуждые друг для друга сообщества. Виктор Вахштайн указывает в этом смысле на действие двух основных факторов: «осей конвергенции» (степени схождения социальных групп) и репрезентаций угрозы (прежде всего, в СМИ), способных принудительно вменить коллективную ответственность отдельным группам. Он же выделяет, помимо солидаризации и поляризации, третью модель поведения в условиях карантина — атомизацию — крайнюю индивидуализированную изоляцию, наподобие экзистенциального одиночества, описанного А. Камю в романе «Чума» [5].

4. Противоречивые общественные тенденции способны проявляться в идеологических оценках [6]. В нынешней ситуации эпидемии для одних возникает страх потери свободы — частичного ущемления в индивидуальных правах в связи с необходимостью подчинения карантинным правилам. С позиции Дж. Агамбена использование принудительных мер в условиях эпидемии способно перерасти в изменение политической парадигмы, а именно, замкнуть ее на биополитическую модель управления «голой жизнью» населения, что чревато системным ограничением свобод [7]. Для других, как для А. Бадью, сложившаяся ситуация показывает противоречие между глобальной капиталистической экономикой и локальным характером политических решений [8]. Для третьих приемлемым является национализм, протекционизм и другие проявления партикуляризма. Расхождение по идеологическим линиям реанимирует поляризацию левых и правых, универсалистских и партикуляристских, глобалистских и антиглобалистских настроений, которые, впрочем, при ближайшем рассмотрении мутируют.

Описанные здесь общественные противоречия в ситуации эпидемии выступают теми условиями, в которых необходимо переосмыслить парадигму безопасности. И дело, как мы видели, не только в увеличении финансирования здравоохранения, а в подвижности общественной системы, способной переключать режимы своего функционирования. Если же попытаться оценить вызов, брошенный эпидемией, то он носит явный биополитический характер, поскольку речь идет о здоровье и гигиене, дисциплинированности населения и регулировании его потоков. Следовательно, проблема переводится в область биополитического управления (как социального регулирования посредством телесных и дисциплинарных практик), с точки зрения которого и нужно оценивать меры национальной безопасности прежде всего. Нужно ли?

Обеспечение национальной безопасности посредством биополитического управления. Рождением биополитики как особой сферы управления «многоруким телом населения» мы обязаны индустриализации эпохи модерна и Мишелю Фуко, сделавшему в 70-е гг. XX в. дисциплинарные институты и институты управления телами специальными объектами исследования. К институтам подобного рода им были отнесены, прежде всего, тюрьмы, больницы и психиатрические клиники, что, впрочем, не отменяло биополитическую функцию других социальных институтов, например семьи или детских учреждений. Такую функцию имеют учреждения любого типа, которые регламентируют дисциплинарные и телесные практики. М. Фуко связывал рождение биополитики с известной децентрализацией монархической власти в Новое время, появлением названных специализированных учреждений и власти нового типа — диффузной власти, растворенной в социальных институтах. Этот микрофизический характер власти с ее децентрацией и делегацией появ-

ляется также в отсутствии, как правило, форм открытого насилия и использования косвенного, например, структурного принуждения, что в свою очередь предполагает отказ от прямого контроля со стороны надзорных инстанций и его растворение во взаимодействии самого населения. Делокализация и тотализация власти и контроля вместе с тем не отменяет наличия мест ее концентрации, чем и являются известные нам властные институты, например, государственные [9].

Сферу биополитического управления М. Фуко определял через четыре основных сегмента: 1) проблемы воспроизводства населения; 2) проблемы заболеваемости и медиализации населения; 3) проблемы вокруг трудовой активности населения; 4) проблемы естественной и искусственной окружающей среды. М. Фуко выделяет также три принципиальные особенности биополитики. Прежде всего, биовласть создает новый объект управления, а именно «население», которое следует отличать как от телесного индивида, включенного в дисциплинарные практики, так и от общества как объекта собственно политико-правового управления. Вследствие этого биополитика направлена на регулирование массовых и воспроизводимых, серийных процессов. Наконец, основной задачей биополитического управления становится систематизация организации жизни, а не только «работа» с отдельными фрагментами [10, с. 173–174].

При всей широте и многоаспектности феномена биополитики следует обратить внимание на реконфигурацию границ управления, производимую появлением этого феномена. Если М. Фуко относил появление биополитики к рубежу XVIII–XIX вв., то Джорджо Агамбен полагает, что биополитические пределы управления в том или ином виде существовали с древности, поскольку власть, так или иначе, всегда обнаруживала стремление к управлению «голой жизнью». Разумеется, в таком случае речь шла о распоряжении жизнью и смертью. И если для М. Фуко биовласть пользуется принципом: «Заставить жить или позволить умереть», то для Дж. Агамбена принцип современной биовласти выражается в требовании: «Выжить!». Осуществление этого требования приводит к управлению в режиме чрезвычайного положения. Последнее Дж. Агамбен характеризует как парадоксальное: суверенная власть способна приостанавливать действие закона, за реализацию которого она ответственна. Оказывается, что, с одной стороны, нет ничего неподвластного закону, а с другой стороны, нет строго установленного закона, поскольку в режиме чрезвычайного положения суверенная власть способна отменить закон, произвольно вводя новые правила [10, с. 175–177]. Действие в этом парадоксальном поле как раз и обнаруживает биополитический предел власти. Подобный предел способен, с одной стороны, обеспечивать высокую эффективность биовласти, поскольку на уровне телесных и дисциплинарных техник биовласть проникает даже в частную жизнь. С другой стороны, именно потенциальное отсутствие зон, неподвластных контролю вследствие всепроникающего «паноптического» характера власти, делает ее опасной с точки зрения реализации свобод. Среди прочего, в ситуации нынешней эпидемии, когда возник вопрос о принятии срочных мер, общественность, как это было видно на примере разных стран, произвела двойственный запрос в отношении власти: ожидание принятия эффективных (биополитических, разумеется) мер сопровождалось опасениями последствий, связанных с ограничением свобод и прав человека. Дж. Агамбен так описывает эту ситуацию: «Нынешнее чрезвычайное положение в сфере здравоохранения можно рассматривать как лабораторию, в которой готовятся ожидающие человечество новые политические и социальные решения» [11]. Но эти «новые решения» должны быть выработаны в условиях, когда «люди больше ни во что не верят, за исключением голого биологического существо-

вания, которое должно быть сохранено любой ценой» [12]. Дилемма свободы и безопасности стала, таким образом, решающей. Выбирая между этими полюсами, люди склонны предпочитать безопасность. Но эта безопасность не должна быть сведена к сохранению биологического существования, поскольку простое выживание не может быть императивом развития. Что именно мы можем вынести из особенностей биополитического управления и нынешней ситуации с эпидемией в отношении обеспечения национальной безопасности?

Какие бы внутренние противоречия не содержало биополитическое управление (свободы и безопасности, соблюдения прав и эффективности решения проблем здравоохранения и т. п.), необходимо отметить особенности нынешней ситуации с безопасностью в условиях биополитического вызова.

1. Ситуация с распространением угрозы заражения во время эпидемии не только подтвердила наличие глобальных вызовов, требующих ответов, которые не могут быть выработаны только в рамках региональных или национальных политических решений. Закрытие государственных границ многих стран в ситуации эпидемии, которое выглядело как попытка обезопасить «национальные дома», было вынужденной запоздалой мерой, имеющей лишь условную эффективность. Эта ситуация показала проницаемость границ для биомедицинской угрозы, из чего следует, что мир живет в некоем подобии *единого биополитического пространства*, в котором правительства вынуждены брать на себя локальную ответственность.

2. Безопасность снова обнаруживает характер *неделимой безопасности* (как некогда в случаях с глобальной ядерной и террористической угрозами), что в свою очередь опять ставит на повестку дня вопросы координации принятия эффективных решений локальными, национальными центрами. В условиях взаимозависимости и невозможности быть в стороне от глобальных потоков перемещения людей, ресурсов и распространения угроз «вирусной» природы национальные политические центры не являются суверенными и становятся посредниками в выработке мер по совместному преодолению проблемных ситуаций. Это само по себе *актуализирует проблемы национальной безопасности уже не столько в собственно политическом, сколько в биополитическом контексте*. Если глобальные потоки теперь влияют даже на здоровье населения, которое является основным ресурсом любого государства, возникает требование необходимого участия в управлении этими глобальными потоками.

3. Безопасность теперь во многом зависит не столько от принятия решений в центрах политического управления, сколько от имеющегося научно-технологического ресурса. В ситуации биополитического вызова значительно *возрастает роль экспертных сообществ*, причем не только биомедицинских, но и всех научных и профессиональных сообществ, обладающих знанием об управлении потоками населения, дисциплинарными и телесными практиками.

4. Наконец, одним из основных ресурсов безопасности становятся *формы самоорганизации общественной жизни* от различных образцов поведения, привычек и норм до создания специализированных волонтерских общественных организаций. Возрастают требования к саморегуляции и самоконтролю индивидов и групп, способности к социально ответственному поведению, созданию и использованию новых форм социальной коммуникации, без чего решение проблем, подобных эпидемии, невозможно.

В целом же следует отметить, что нынешний глобальный вызов эпидемии не только смещает акценты в сторону биополитической безопасности, но превращает задачи биополитического управления в первичные, от которых зависит безопасность национальная.

Литература и электронные публикации в Интернете

1. *Бодрийяр, Ж.* Дух терроризма. Войны в заливе не было : пер. с фр. А. Качалова. — М. : РИПОЛ классик, 2016. — 224 с.
Bodriyyar, Zh. Dukh terrorizma. Voyny v zalive ne bylo [Spirit of terrorism. There was no war in the bay] : per. s fr. A. Kachalova. — М. : RIPOL klassik, 2016. — 224 p.
2. Информационная панель ВОЗ по коронавирусной болезни (Covid-19) [Электронный ресурс] // Всемирная организация здравоохранения. — Режим доступа: <https://covid-19.who.int/>. — Дата доступа: 29.06.2020.
3. *Power, S.* How the COVID-19 Era Will Change National Security Forever [Electronic resource] / S. Power // Time. — Mode of access: — <https://time.com/5820625/national-security-coronavirus-samantha-power/>. — Date of access: 14.04.2020.
4. Коронавирус: Европа между паникой и необходимостью действовать [Электронный ресурс] // Eurotopics. Ежедневный обзор европейской прессы. — 25.02.2020. — Режим доступа: <https://www.eurotopics.net/ru/235802/>. — Дата доступа: 10.04.2020.
5. *Вахштайн, В.* Пандемия, страх, солидарность [Электронный ресурс] // В. Вахштайн // Россия в глобальной политике. — Режим доступа: <https://globalaffairs.ru/articles/pandemiya-strah-solidarnost/>. — Дата доступа: 19.04.2020.
6. *Vakhshtayn, V.* Pandemiya, strakh, solidarnost' [Pandemic, fear, solidarity] [Elektronnyy resurs] / V. Vakhshtayn // Rossiya v global'noy politike. — Rezhim dostupa: <https://globalaffairs.ru/articles/pandemiya-strah-solidarnost/>. — Data dostupa: 19.04.2020.
7. *Козенко, А.* Радикальный опыт Робинзона Крузо. Что думают философы о пандемии коронавируса [Электронный ресурс] / А. Козенко // ВВС. — Режим доступа: <https://www.bbc.com/russian/features-52187015>. — Дата доступа: 12.04.2020.
8. *Kozenko, A.* Radikal'nyy opyt Robinzona Kruzo. Chto dumayut filosofy o pandemii koronavirusa [Radical experience of Robinson Crusoe. What philosophers think about the coronavirus pandemic] [Elektronnyy resurs] / A. Kozenko // VVS. — Rezhim dostupa: <https://www.bbc.com/russian/features-52187015>. — Data dostupa: 12.04.2020.
9. *Агамбен, Дж.* Размышления о чуме [Электронный ресурс] / Дж. Агамбен // Центр политического анализа. — Режим доступа: <https://centerforpoliticsanalysis.ru/position/read/id/razmyshleniya-o-chume>. — Дата доступа: 05.04.2020.
10. *Agamben, Dzh.* Razmyshleniya o chume [Reflections about the plague] [Elektronnyy resurs] / Dzh. Agamben // Tsentr politicheskogo analiza. — Rezhim dostupa: <https://centerforpoliticsanalysis.ru/position/read/id/razmyshleniya-o-chume>. — Data dostupa: 05.04.2020.
11. *Бадью, А.* В ситуации эпидемии. Картезианские размышления [Электронный ресурс] / А. Бадью // Центр политического анализа. — Режим доступа: <https://centerforpoliticsanalysis.ru/position/read/id/v-situatsii-epidemii-kartezianskiye-razmyshleniya>. — Дата доступа: 11.04.2020.
12. *Bad'yu, A.* V situatsii epidemii. Kartezianskiye razmyshleniya [In the situation of epidemic. Cartesian reflections] [Elektronnyy resurs] / A. Bad'yu // Tsentr politicheskogo analiza. — Rezhim dostupa: <https://centerforpoliticsanalysis.ru/position/read/id/v-situatsii-epidemii-kartezianskiye-razmyshleniya>. — Data dostupa: 11.04.2020.
13. *Фуко, М.* Интеллектуалы и власть : Избранные политические статьи, выступления и интервью / М. Фуко : пер. с фр. Б. М. Скуратова ; под общ. ред. В. П. Большакова. — М. : Праксис, 2006. — Ч. 3. — 320 с.
14. *Fuko, M.* Intellektualy i vlast' : Izbrannyye politicheskiye stat'i, vystupleniya i interv'yu [Intellectuals and power: Selected political articles, speeches and interviews] / M. Fuko : per. s fr. B. M. Skuratova ; pod obshch. red. V. P. Bol'shakova. — М. : Praksis, 2006. — Ch. 3. — 320 p.
15. *Фуко, М.* Рождение биополитики : Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1978—1979 учебном году / М. Фуко : пер. с фр. А. В. Дьякова. — СПб. : Наука, 2010. — 448 с.
16. *Fuko, M.* Rozhdenie biopolitiki : Kurs lektsiy, pročitannykh v Kollezh de Frans v 1978—1979 uchebnom godu [The birth of biopolitics. The course of lectures read in the

college de Frans in 1978–1979] / M. Fuko : per. s fr. A. V. D'yakova. — SPb. : Nauka, 2010. — 448 p.

11. Кобылин, И. И. Исток и сингулярность: Дж. Агамбен и М. Фуко о рождении биовласти / И. И. Кобылин // *Философия и общество*. — 2011. — № 3. — С. 171–183.

Kobylin, I. I. Istok i singulyarnost': Dzh. Agamben i M. Fuko o rozhdenii biovlasti [The source and singularity: J. Agamben and M. Fuco about the birth of biopower] / I. I. Kobylin // *Filosofiya i obshchestvo*. — 2011. — N 3. — P. 171–183.

12. Агамбен, Дж. Социальное дистанцирование [Электронный ресурс] / Дж. Агамбен // Центр полит. анализа. — Режим доступа: <https://centerforpoliticsanalysis.ru/position/read/id/sotsialnoe-dstantsirovanie>. — Дата доступа: 10.04.2020.

Agamben, Dzh. Sotsial'noe distantsirovanie [Social distance] [Elektronnyy resurs] / Dzh. Agamben // Tsentr polit. analiza. — Rezhim dostupa: <https://centerforpoliticsanalysis.ru/position/read/id/sotsialnoe-dstantsirovanie>. — Data dostupa: 10.04.2020.

ALIAKSANDR SHERYS

**COVID-19: A GLOBAL BIOPOLITICAL
CHALLENGE FOR NATIONAL SECURITY**

Author affiliation. *Aliaksandr SHERYS* (sheris@tspbel.com), *Scientific Production Limited Liability Company OKB TSP (Minsk, Belarus)*.

Abstract. The article aims to identify the characteristics of the biopolitical challenge to national security in connection with the spread of the COVID-19 epidemic. Events in the regions of the world demonstrate the peculiarities of the destabilization of social processes under the pandemic. The author believes that this situation is shifting the paradigm of ensuring national security to the use of biopolitical management technologies, which poses new problems. The peculiarities of the modern biopolitical challenge are the formation of a global biopolitical space, the requirement of a transition to indivisible security and cooperation of the efforts of world actors in the process of political decision-making, the increased role of scientific expert communities, as well as forms of social self-organization.

Keywords: epidemic; national security; biopolitical challenge; biopolitical governance; global challenge; indivisible security.

UDC 327.01 + 616.98:578.834.1

*Статья поступила
в редакцию 11. 08. 2020 г.*

Правила оформления статей для подачи в журнал «Веснік Беларускага дзяржаўнага эканамічнага ўніверсітэта»

*Журнал принимает к изданию статьи на **русском, белорусском и английском языках.***

Авторы несут ответственность за направление в редакцию уже ранее опубликованных статей или статей, принятых к печати другими изданиями.

Редакция не взимает плату за опубликование научных статей.

Статьи, представленные лицами, осуществляющими послевузовское обучение (аспирантура, докторантура, соискательство), в год завершения обучения, публикуются первоочередно.

Объем научной статьи, учитываемой в качестве публикации по теме диссертации, должен составлять не менее 0,35 авторского листа (14 тыс. печатных знаков, включая пробелы между словами, знаки препинания, цифры и т. п. — как правило, не менее 8-ми страниц текста (но не более 12-ти), напечатанного шрифтом размером 14 пунктов через 1,5 интервала между строками). Страницы должны быть пронумерованы.

Научная статья должна включать следующие элементы:

введение;

основную часть с таблицами, графиками и другим иллюстративным материалом (при их наличии);

заключение, завершаемое четко сформулированными выводами;

список цитированных источников.

Название статьи должно отражать основную идею ее содержания, быть информативным и по возможности кратким. В заглавиях можно использовать только общепринятые сокращения.

Во введении статьи должна быть сформулирована ее цель (поставлена задача).

Обязательны ссылки на работы, не являющиеся публикациями автора. Ссылки на неопубликованные работы не допускаются.

Иллюстрации, формулы и сноски следует пронумеровать в соответствии с порядком цитирования в тексте.

Список цитированных источников располагается в конце текста, ссылки нумеруются согласно порядку цитирования в тексте. Номера ссылок должны быть написаны внутри квадратных скобок (например [1], [2] и т. д.). Все публикации на русском языке (кроме нормативных документов, архивных материалов, статистических сборников, газетных статей без указания автора, ссылок на сайты без указания конкретного материала) должны сопровождаться переводом *названия* на английский язык (приводится в квадратных скобках).

Сдавая статью в редакцию, авторы представляют:

- 1) распечатку статьи и ее электронный вариант. К статье должны быть приложены дополнительные сведения: индекс УДК в соответствии с классификатором, ключевые слова (5–10 слов или коротких ключевых фраз) на русском и английском языках;
- 2) справку об авторе:
 - а) фамилия, имя, отчество, ученая степень, ученое звание, должность, место работы (учебы) на русском языке;
 - б) имя и фамилия автора транслитерацией в романском алфавите (взять из паспорта);
 - в) электронная почта;
 - г) контактные телефоны;
- 3) выписку из протокола заседания кафедры, включающую рекомендацию об опубликовании;
- 4) для авторов других вузов (НИИ) – рекомендательное письмо руководства своей организации;
- 5) резюме статьи на русском языке (от 100 до 250 слов). В нем должно быть отражено краткое содержание статьи: цели и задачи, методы исследования, краткий вывод. Обязательно следует представить на английском языке название статьи, текст резюме и официальное название организации, в которой учится или работает автор;
- 6) результаты проверки текста на предмет оригинальности при помощи инструмента «Антиплагиат».

Журнал включен в наукометрическую базу данных Российский индекс
научного цитирования (РИНЦ)

Индекс журнала

74838

Ответственная за выпуск *Н. В. Агабекова*
Редакторы *А. В. Зенькевич, А. К. Лапуста*
Компьютерная верстка *А. А. Карнейчик*

Адрес редакции:
220070, г. Минск, просп. Партизанский, 24. БГЭУ, корп. 6, к. 19. Тел. 209-78-84
Электронная почта: vestnik@bseu.by

Подписано в печать: 15.04. 2021.
Формат 70×108 1/16. Печать офсетная. Усл. печ.л. 11,40. Уч.-изд.л. 12,03.
Тираж 95 экз. Заказ

УО «Белорусский государственный экономический университет»
Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя, распространителя
печатных изданий № 1/299 от 22.04. 2014.
200070, г. Минск, просп. Партизанский, 26.

Отпечатано на ротапринте БГЭУ. Лицензия полиграфическая № 02330/210 от 14.04. 2014.
200070, г. Минск, просп. Партизанский, 26.
